

УДК 398.2+01

DOI: 10.15393/j14.art.2017.100

Новоселова Виктория Андреевна

Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
доцент кафедры русского языка,
кандидат филологических наук,
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

Состав и функции частиц в былинах Поморья¹

Аннотация: Для сказителей различных районов бытования эпоса характерны свои певческие традиции, стиль исполнения, языковые особенности. В статье рассматриваются выделительно-ограничительные частицы с различной степенью семантической наполняемости, функционирующие в былинных текстах, записанных на Мезени. Особое внимание уделяется десемантизированным частицам, употребление которых обусловлено поэтикой жанра. Материалом для исследования послужил сборник эпических произведений А. Д. Григорьева «Архангельские былины и исторические песни».

Ключевые слова: былина; сказитель; поэтика жанра; выделительно-ограничительные частицы; десемантизация; анафора; функции частиц.

Изучая тексты эпических произведений, этнографы отмечали высокую употребительность разнообразных частиц, которые, по определению А. Ф. Гильфердинга, являлись «подпорками эпического стиха» и «давали тон всей рапсодии» [3, 61].

Как показывают проведенные нами исследования языка былин, записанных А. Ф. Гильфердингом [2], А. Д. Григорьевым [4], П. Н. Рыбниковым [10], А. М. Астаховой [1], в текстах насчитывается 86 разновидностей выделительно-ограничительных частиц, из которых только 11 слов являются общеупотребительными (*и*, *а*, *да* и др.). Они встречаются во всех районах бытования эпоса на Русском Севере: в Олонецкой губернии, Архангельском крае, на побережье Белого моря. Большая часть анализируемых языковых единиц (59) отмечена диалектными словарями (ище, аще, ныньце и др.) [5]. К индивидуально-авторским можно отнести 16 неузальных слов (*ай-я*, *ась*, *а-яй*, *ай-е*, *е*, *ой-е*, *э-что* и др.). Отдельные частицы, восходящие к знаменательным частям речи, имеют модификации, связанные с диалектным произношением, например, *ныне*, *нынче*, *ныньце*, *ноне*, *нонече*, *нунь*, *нуньку*.

¹ Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2017 год.

Статистические данные о составе частиц в текстах, зафиксированных в различных регионах, свидетельствуют о том, что наибольшее разнообразие этих служебных слов отмечается в записях А. Д. Григорьева, сделанных на Мезени от 35 сказителей — 44 единицы.

В былинах, записанных в этом же регионе А. М. Астаховой через тридцать лет, количественный показатель частиц составил уже 36 слов. Следует отметить, что и певцов стало меньше — всего 14 исполнителей.

Самой употребительной из частиц, употребляемых мезенскими рапсодами, является *да*, которую активно использовал каждый из них. Эта языковая единица способна располагаться как в начале строки, так и в её середине:

*А заходит калика да во светлу гриню,
Он крест-от кладет да по-писаному,
Да молится калика да по-учёному (№ 305).*

Находясь в препозиции по отношению к начальному знаменательному слову, частица да выделяет его, располагаясь же на границе полустиший, она акцентирует внимание на второй части стиха и усиливает её содержательную значимость.

Певцы употребляют частицу да и в качестве анафоры. Повторяясь в абсолютном начале контактно расположенных строк, это служебное слово десемантизируется [8], теряет выделятельно-усилиительное значение и выполняет функцию соединительного элемента, «межфразового скрепы», обеспечивающего непрерывность повествования:

*Дак поплыл Васильюшко по Волхову
Да на тоё на озёро на Ладушско,
Да поплыл Васильюшко по матушке Неве-реке,
Да выплыл Васильюшко на синё море,
Да поплыл Васильюшко по синю морю (№ 390).*

Если употребление частицы да в середине строки прослеживается у всех сказителей Мезени, то в качестве анафоры эта языковая единица выступает далеко не всегда.

У каждого исполнителя есть свои, излюбленные анафорические частицы. Тексты, записанные А. Д. Григорьевым от В. Я. Тяросова, изобилуют повторяющимися начальными элементами *a*:

Во стольнём во городе во Киеви
А у ласкова князя у Владимира
А ишие было пированыцио, был почесъён стол
А про тех же про князей, про бояров,
А про русских могучих богатырей,
А про тех поленицей приудалых,
А про тех же казаков со тиха Дону,
А про тех же калик было перехожиех,
А про тех же хрестьянушек прожитоиных.
А на этом на пиру дак было две вдовы:
А первая вдова Овдотья Блудова жена,
А как втора Офимья Блудова жена (№ 306).

В одной из былин, исполненных В. Я. Тяросовым, частица а начинает 113 строк из 147 (№ 315).

Нейтрализация семантики наблюдается и при анафорическом употреблении усиительной частицы *и*, начинающей почти каждую строку в текстах, спетых сказительницей М. Г. Фофановой:

*И ты придиешь князь да к широку двору,
И к широку двору да ко красну крыльцу,
И привяжи добра коня да к золоту кольцу.
И тут те выскочит кнегинка девяти годов,
И девяти годов да лет двенадцати (№ 389).*

В отличие от частицы *да*, свободно перемещающейся в эпической строке, употребление языковых единиц *а* и *и* на границе полустиший не характерно для мезенских сказителей.

В эпических текстах, записанных на Мезени, встречается анафорическая частица *ишие* (*ище, ише, ище*) с нейтрализованной наречной семантикой:

*Ишие хочет застрелить да черного ворона,
Ишие ворон говорит да таково слово (№ 347);
Ише рвет тут татарина пополам на двоё,
Ише сам говорил да таково слово (№ 347).*

Некоторые певцы активно используют в функции анафоры десемантизованные частицы междометного происхождения [9, 64-69]. Например, сказительница А. И. Титова 95 строк из 130 начинает со слова *ой*:

*Ой миновалисе друга шесть лет.
Ой тут ведь стали на Настасьюшки свататься,
Ой как Алешенька приехал да сын Попович же (№ 401).*

Анафорические частицы выделяют и ограничивают строку, представляющую собой слово-сочетание или предложение, а также соединяют структурно-содержательные отрезки в единое смысловое целое.

Высокая частотность употребления характерна для частицы *де*, которая встречается и в роли постпозитивного усиительно-выделительного элемента, и в роли разделителя стиха, усиливающего значимость содержания второй его части:

*Зачал де играть да он на скрипичку (305);
Говорил де Владимир таково слово (305);
Он зашел де во улицы Игнатьевы (379).*

Частица *де* может сочетаться другими постпозитивными элементами:

*Он шил де-ка палицей своей буёвою,
Он шил де-ка нонице во высок терем,
Он шил де-ка терем-от по оконечкам (№ 306).*

Частица *де* встречается во многих былинах Мезени, но она, как правило, не занимает место в абсолютном начале строки, хотя открывать эпическую строку могут разные частицы. Например, у сказителя С. А. Поташова микроконтексты начинаются с десемантизованных языковых единиц *да, и, а, ах, ай, ведь, ишие, как, э* (№ 348). Нередко певец использует сочетания частиц:

*Ах как искала же ёна да оборонщиков;
А как дай-ка мне-ка нонь помощников;
Да и речи говорят да потихошенько (348).*

Сочетания частиц наполняют структуру стиха и способствуют обеспечению ритмической организации текста.

Обращает на себя внимание большое количество в былине постпозитивных усиительно-выделительных частиц, свойственных разговорной речи. Широкоупотребительной является частица *то-*:

*А он стольне-от град да во полон хочет взять,
А он князя-то Владимира живком схватить (№ 308);
Ворониной-то крови да ты не пить будешь (№ 405);
Как первого-то татарина конём стоптал (№ 405);
Засвистел-то стары казак по-звериному,
Засвистел-то стары казак по-соловыиному,
А зашипел-то стары казак по-змеиному (№ 308).*

Почти во всех мезенских былинах, записанных А. Д. Григорьевым, встречаются модификации постпозитивной частицы *-то*: *-та*, *-ту*, *-ты/-ти*, свойственные севернорусским говорам. Исследователи диалектной речи отмечают, что эти постпозитивные элементы сохраняют остатки грамматической связи с согласуемым местоимением *тот*, которому они обязаны своим происхождением [13, 108–128].

*Востры-ти сабельки ищущербалисе (№ 308);
А вельможа-та хвастат да золотой казной (№ 414);
Он ведь перву-ту монашенку конем стоптал,
А он втору-ту монашенку копьем сколол,
А третья-та монашенка взмолиласе (№ 386).*

Употребление в былине «согласуемых» постпозитивных усиливательных частиц говорит о наличии их в речи сказителей, являющихся «носителями архаических черт говора» [6, 115].

Помимо частицы *-то* мезенские певцы используют постпозитивные элементы *-от*, *-ко*, *-ка*, *-ле/-ли*, *-тко*:

*Да разъехался-от Сокольник на добром кони (№ 348);
Как уехал старой-от да во чисто полё (308);
Не велела мне-ка пить да зелена вина (№ 340);
Поезжай-ко, Добрынюшка Микитиц свет,
Да вези-тко Дунаюшка Ивановича (№ 340);
Тут прошло-ле Настасьюшки шесть лет поры (№ 401)*

Следует отметить, что постпозитивная частица *-ка/-ко* активно употребляется в русских народных говорах в сочетании с глаголом повелительного наклонения и усиливает его побудительное значение [14, 274].

В былине эта частица может находиться и в постпозиции по отношению к местоимениям:

*Во чистом поли мне-ка не казаковать (№ 348);
Побежите вы-ко теперь во темны леса (№ 308).*

Здесь *-ка* теряет свое побудительное значение и выступает только как усиливательный постпозитивный элемент.

Частица *ле*, как и другие энклитики, способна присоединяться к словам различных частей речи:

*Да тут стал-ле Добрыня да на резвы ноги;
Да во ту-ле ведь пору да во то время;
Д сам-ле ведь ей да не подхватывал (№ 379).*

В эпических произведениях можно встретить и составные постпозитивные частицы:

*Дай-ко-се мне-ка Дунаюшка Ивановича (№ 348);
А руби-тко-се ёго да буйны головы (№ 348).*

Усилиительно-выделительное значение имеет и языковая единица *же*:

Выходил же Олешиенька из бела шатра (№ 320);
 Зарычал же Олешиенька по-туриному (№ 320).

Частица же в современном русском языке способна обладать союзовыми оттенками значений противопоставления и присоединения. Эти свойства позволили причислить служебное слово же и к союзам, и к частицам [12, 185]. Исследователи устнopoэтической речи относят же к тем частицам, которые, как и энклитики -то, -ли, -ка и др., «используются для усиительных и ритмических целей» [7, 52].

В одной из старин, спетых М. М. Ружниковой, частица же выступает в роли эпифоры, которая усиливает эмфатическую тональность:

И захватился князь Михайло да за дубовую колоду же,
 И он спустился во синё море Хвалинско же,
 Его маменька родима да вдоль по бережку ходила же,
 Вдоль по бережку ходила да громким голосом кричала же (№ 381).

Из 49 строк этой былины 32 заканчиваются частицей же, создающей ритмическую стройность стиха и способствующей напевности исполнения.

Выделительно-ограничительная частица только употребляется сказителями Мезени преимущественно в одном из традиционных мест былин герического цикла — при описании отъезда богатыря, скачущего на бой со злыми силами:

Да не видели поездки да молодецкое,
 Только видели: во чистом поли курева стоит (№ 328).

Стремительность поездки молодецкой подчеркивается исполнителем, который гиперболизирует необыкновенную силу героя.

В качестве частицы в эпическом произведении способно выступать наречие ныне (*нунь, нонь, нынче*) с утраченной темпоральной семантикой:

Уж ты ой еси, Дунай да нонь Иванович!
 А не порь-ко ты у меня да нонь белы груди (№ 384);
 А привезли они кнегину да нонь Опраксию (№ 384);
 И пошли молодцы вон из светлой светлицы,
 Светлы светлицы ноnче да пошаталисе (№ 384).

Анафорическое употребление этого слова в текстах, записанных на Мезени, не отмечается.

В былинах сказителя Е. В. Разсолова обращает на себя внимание частица тут, свободно перемещающаяся в пределах строки:

А тут где Илья да нонь не выстоял;
 А да измылся тут Илья, да испугался он.
 А сделалась в ём сила необъятна тут,
 А да деваться ёму стало тут ведь некуда (№ 355).

Частица тут с пространственно-временным оттенком значения при повторении ослабляет свою семантику и приобретает усиительную коннотацию.

Некоторые певцы используют индивидуально-авторские языковые единицы:

Э ведь тут как Емельфа запечалилась (348).
 Ише эстолъ татарин-от не живоват,
 Ише эстолъ татарин-от не киловат (№347).

Думается, что подобные частицы характерны для речи самого исполнителя, и он привычно употребляет их.

Таким образом, анализ эпического материала показывает, что, согласно поэтике жанра, в мезенских былинах активно функционируют выделительно-ограничительные частицы с различной степенью лексической наполняемости: семантически полные, с ослабленной семантикой и десемантизированные. Границы, разделяющие эти составы, отличаются исключительной подвижностью. Смысловая наполненность частиц связана с их расположением в былинном стихе, спецификой речи сказителя, особенностями его памяти, степенью сохранности традиционного исполнения.

Почти все исследуемые языковые единицы способны свободно перемещаться в пределах строки. Наблюдения показывают, что употребление разнообразных частиц в качестве анафоры отмечается в каждой былине. Иногда мезенские сказители повторяют в абсолютном начале стиха одну и ту же частицу, выполняющую функцию «межфразового скрепа», соединяющего строки в структурно-содержательное целое.

Относительно устойчивую позицию занимают постпозитивные частицы, их местоположение зависит от слов, по отношению к которым они выступают как энклитики.

Частотность употребления выделительно-ограничительных частиц в былинах обусловлена поэтикой жанра: основным персонажем эпического произведения является богатырь, и языковая организация текста направлена на то, чтобы сфокусировать внимание слушателей на необыкновенных подвигах главного героя, характерных чертах его внешности, поведения, особенностях речи, на событиях давно прошедшего времени. С помощью большого количества повторяющихся частиц создается ретардация повествования, поддерживается его ритмический строй, обеспечивается напевность исполнения [10]. Слушая сказителей, собиратели эпоса обращали внимание на то, что высокая частотность употребления частиц обнаруживается именно в сплетой былине. Рассказанный текст, как правило, не изобилует частицами.

Как уже отмечалось, состав частиц в былинах, зафиксированных на Мезени, более разнообразен, чем в других районах бытования эпоса.

Следует отметить, что диапазон семантических оттенков частиц в эпическом произведении ограничен жанровыми традициями, поскольку былинному языку, как известно, не свойственны эмоциональные и модальные типы отношений.

Литература

1. Астахова А. М. Былины Севера : в 2 т. / А. М. Астахова. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1938—1951. — Т.1 — 1938. — 655 с.; Т. 2. — 1951. — 848 с.
2. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины : в 3 т. / А. Ф. Гильфердинг. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949 — 1951; Т.1 — 1949. — 736 с.; Т. 2 — 1950. — 812 с.; Т. 3. — 1951. — 670 с.
3. Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды / А. Ф. Гильфердинг // Онежские былины. — Т. 1. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949. — С.61.
4. Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни: в 3 т. / А. Д. Григорьев. — Москва ; Санкт-Петербург : Изд-во Имп. АН, 1904—1910. — Т.1. — 1904. — 708 с; Т.3. — 1910. — 752 с.
5. Даляр В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даляр. — Москва : Изд-во «Русский язык», 1978 — 1980. — Т. 4. — С.271—273.
6. Доля Т. Г. Употребление частиц в говорах Заонежья / Т. Г. Доля // Ученые записки Петрозаводского государственного ун-та, 1963. — Т. 10. — Вып. 3. — С. 111—122. — С. 115.
7. Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. / А. П. Евгеньева. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1963. — 348с.

8. Новоселова В. А. Десемантизированные частицы в языке былин / В. А. Новоселова // Язык и культура. — Петрозаводск : КГПУ, 2007. — С. 91 — 96.
  9. Новоселова В. А. Состав и функции частиц междометного происхождения в былине / В. А. Новоселова // Краеведческие чтения — 2015 — [Электронный ресурс]. — URL: Kraeved@library.karelia.ru — С. 64—69.
  10. Новоселова В. А. Стилистические функции выделительно-ограничительных частиц в былинах Олонецкого края / В. А. Новоселова. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2016. — 85 с.
  11. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. — Москва ; Санкт-Петербург : Изд. Имп. АН, 1909—1910.
  12. Словарь русского языка / под. ред. С. И. Ожегова. — Москва : Изд-во Советская энциклопедия, 1970. — 900 с.
  13. Собинникова В. И. Постпозитивная частица –то в говорах Гремяченского района Воронежской области / В. И. Собинникова // Труды Воронежского ун-та, 1957. — Т. 47. — С. 108—128.
  14. Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров / А. Б. Шапиро. — Москва : Изд-во АН СССР, 1953. — 318 с.

Victoriya A. Novoselova

Petrozavodsk State University,
Institute of Philology,
Associate professor of the Russian Language Department,
PhD in Philology

Structure and functions of particles in epic narrative poetry of Russian pomorye

Abstract: Epic poems narrators from various regions have their own narrative traditions, style, and language characteristics. The article studies scaling particles with different degrees of semantic fullness found in the epic texts written in region near the Mezen River. The author focuses on the desemantized particles, typical of the genre poetics. The research material was taken from the collection of epic texts “Bylinas and Historical Songs of Arkhangelsk”.

Keywords: bylina, epic narrative poem, narrator, genre poetics, scaling particles, desemantization, anaphora, particle functions